

В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук
Национальная металлургическая академия Украины

АПОЛОГИЯ ЭКУНИКИ (ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ НАУЧНОМ И УНИВЕРСУМНОМ ЗНАНИИ)

Определяются границы научного экономического знания, содержание постижения и универсального знания, формулируются пролегомены к экунике и элементы концепции цельной истины.

Ситуация *after*постмодерна или трансмодерна в культуре и постнеклассической рациональности в науке ставит под сомнение ранее незыблемые постулаты, стимулирует едва ли не тотальное переосмысление научного наследия, в том числе в фундаментальной экономической науке (ФЭН). На этом фоне отнюдь не парадоксальными выглядят вопросы: "В самом деле, а наукой ли занимаются учёные-экономисты?", "Экономику ли они изучают?", "Какое знание и о чём они добывают и/или продуцируют?". В статье продолжена обозначенная ранее линия рассуждений¹ и представлены варианты ответов на перечисленные "провокационные" вопросы.

О границах научного экономического знания

Позитивистские, постпозитивистские и современные конструктивистские разработки проблематики демаркации науки и ненауки лишь подчёркивают значимость обоснованных отечественными философами и учёными ключевых инвариантов-признаков науки: а) установка на исследование *законов преобразования объектов* и реализующая эту установку *предметность* и *объективность* научного знания; б) выход науки за рамки предметных структур производства и обыденного опыта и *изучение* ею *объектов относительно независимо от сегодняшних возможностей их производственного освоения*².

Конкретизация содержания обозначенного "жёсткого ядра" научности по известным *элементам научной деятельности* (субъект, объект, средства, процесс, условия, результаты и пр.) позволяет получить *систему её признаков* (более "сильных" и более "слабых") как *особого* и *относительно обособленного вида постижения* реальности, отличающих её от других видов постижения, а именно:

- чёткое разграничение *объекта* и *субъекта* познания;
- поиск и определение *объективных законов* движения *объекта* и на этой основе *предвидение* возможного *будущего состояния* объекта и его *изменений*;
- изучение объектов *безотносительно* к их *сиюминутной* актуальности и практической значимости. Указанные объекты могут стать предметом массового практического освоения в *неопределённом будущем*;

¹ См.: Тарасевич В. Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке // Вопросы экономики. – 2004. – № 4. – С. 107–117; Тарасевич В.Н. Экуника: гипотезы и опыты. – М., 2008. – С. 60–81.

² См.: Стёпин В. С. Теоретическое знание. – М., 1999. – С. 34.

- специальная подготовка субъекта познания, освоение им элементов и операций научной деятельности, а также её этоса (особых ценностных ориентаций и этических принципов);
- особый язык, специальная аппаратура, техника и технология как особые средства научного познания;
- ключевой продукт (результат) научной деятельности – сущностное, новое и истинное знание;
- формирование знания о методах научной деятельности, а в более широком плане – методологии научного познания.

Очевидно, перечисленные признаки могут использоваться в качестве критериев и условий научности. Допустимо предположить, что её мера определяется совокупной степенью реализации этих критериев. Если с помощью последних протестировать познавательную деятельность учёных-экономистов, то неизбежными станут сомнения в её полной научности. Взять, к примеру, объект познания. При молчаливом согласии с нетождественностью объекта науки объекту обыденного опыта, с необходимостью применения для выделения первого специальных процедур весьма распространённым является игнорирование последних. В экономической науке это особенно характерно для столь почитаемых неоклассиками функциональных зависимостей, где в качестве переменных могут выступать и научные, и вненаучные объекты (например, ожидания, шоки, предпочтения). Философам науки хорошо известен феномен гипостазированных объектов, которые, как правило, привносятся в науку из философии, искусства или обыденного сознания. Такие гипостазы могут фигурировать в исследовании и его результатах как идеализации-репрезентации реальности, но при углублённом анализе оказываются вымышленными, виртуальными (например, монады, эфир, флогистон, идеальный газ). В экономической науке весьма гипостазированы homo oeconomicus, свободная конкуренция, общее рыночное равновесие, абсолютно прозрачная информация и пр.

Учёные не без оснований гордятся внушительным содержимым и познавательным потенциалом своего "ящика инструментов" – набора приёмов и методов познания, хотя ни для кого не секрет, что немалая их часть имеет вненаучное происхождение и природу. Так, интуиция как цельное схватывание и видение научной проблемы, возможных вариантов и результатов её решения является далеко не только научным феноменом, а обладание ею по праву признаётся божьим даром. Как известно, именно "обаяние исходной интуицией" по поводу возможного близкого краха капитализма способствовало интенсификации усилий К.Маркса по завершению I тома "Капитала". Весьма распространённый не только в естественных, но и в общественных науках аксиоматический метод изначально опирается не на научное познание, а на тысячелетний практический опыт и здравый смысл. Например, в экономической теории практически недоказуемы аксиомы ординалистского подхода к измерению предельной полезности, аксиоматичен "основной психологический закон" Дж.М.Кейнса, аксиомы "активно участвуют" в экономико-математическом моделировании.

Современные пост- и трансмодернисты ставят под сомнение святая святых науки – истинное знание. Так, одни из них подменяют истину правдоподобием, другие настаивают на её интерсубъективности, а не объективности, третьи её признаками предлагают считать ясность, прозрачность, изящество и убедительность изложения, продуктивность применения³, то есть именно то, что не является ни необходимым, ни достаточным для идентификации истины.

³ См.: Агацци Э. Переосмысление философии науки сегодня // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 51.

Разумеется, перечень вненаучных вкраплений в научном дискурсе можно было бы продолжить. Но уже перечисленного вполне достаточно для вывода, что, исследуя реалии, учёные занимаются не только *наукой*, но и *ненаукой*. Впрочем, стоит ли удивляться, если значительная часть жизнедеятельности учёного-человека весьма далека от науки и оказывает на неё непрерывное и далеко не всегда благоприятное воздействие.

Ненаука в науке: хорошо это или плохо? На мой взгляд, если оставить в стороне рассуждения об уровне профессионализма учёного, следует воздержаться от оценочных суждений и для начала констатировать два фундаментальных факта. Во-первых, факт сосуществования и взаимопроникновения *двух самоценных и равноценных на "весах" человеческой жизни интегральных видов постижения реальности* – науки и ненауки. Исторически первая вышла из лона последней⁴, продолжает питаться её живительными соками и сообщает ей не менее значимые импульсы изменений.

Во-вторых, современные учёные-экономисты в своих познавательных усилиях решительно пересекли некогда обозначенные предшественниками границы *объекта экономической науки*. Достаточно взглянуть на проблематику экономического и неэкономического империализма, чтобы убедиться: учёные отнюдь не замыкаются в экономике как материальном производстве в духе А.Смита или способе производства в духе К.Маркса. Они обнаруживают объект и предмет *исследования за пределами ортодоксального объекта* – в культуре, политике, демографии и т. д.⁵ Это закономерно, ибо природно-экологическая, экономическая, духовная, социальная и политическая сферы универсума как темпорального пространства жизнедеятельности человека взаимодействуют и взаимопроникают. Естественно, учёным-экономистам интересна не только экономическая, но и экономико-экологическая, экономико-социальная, экономико-политическая, экономико-духовная сферы, а также их более сложные образования (например, экономико-эколого-социальная).

Итак, исследуя реальность, учёные *выходят за пределы науки и её объекта*. Эти фундаментальные факты для многих очевидны, а, может быть, и банальны, но далеко не всегда должным образом *осмысливаются*. В самом деле, так ли уж часто мы *углубляемся и изучаем* очевидное, даже если оно невероятно?

⁴ В работах ведущих историков философии и философов науки убедительно доказано существенное влияние христианства и герметизма на становление европейской науки Нового времени. Так, с одной стороны, христианские догматы о боготворении и боговоплощении способствовали преодолению характерного для античной науки разделения всего сущего на естественное и искусственное, а также жёсткой грани между небесным и земным мирами, тем самым наделяя человека как образ Божий статусом творца. С другой стороны, магико-окультиные течения эпохи Ренессанса с их убеждённостию в существовании магических средств очищения от первородного греха изменили общемировоззренческую установку сознания: очистившийся от греховной скверны человек становится вторым Богом, способным исполнить завет, данный ему Богом до изгнания из рая, не только до конца познавать природу, но и магически воздействовать на неё, преобразовывать её в соответствии со своими интересами и целями. См., напр.: *Гайдено П.* К проблеме становления новоевропейской науки // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 87, 90–91.

⁵ См. подробнее: *Тарасевич В.* Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке. – С. 72–74. Гносеологические предпосылки упомянутых видов империализма нетрудно обнаружить не только в маржиналистской революции и знаменитом определении предмета экономической науки Л.Роббинса (См.: *Розмаинский И.* О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX – начала XXI века // Вопросы экономики. – 2008. – № 7. – С. 91), но и в марксизме, исторической школе, классическом институционализме, если, разумеется, не ограничивать ФЭН проблематикой и методологией неоклассики. В современных условиях за эти границы выходит и *мейнстрим*, о чём, в частности, свидетельствуют ограниченная рациональность, экспериментальная экономика, теория перспектив, импульсная теория спроса и *гетеродоксия* с её интегративными социальной экономикой, экологической экономикой, био- и нейроэкономикой, поведенческой и эволюционной экономикой. См.: *Либман А.* Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. – 2007. – № 3. – С. 44, 48, 51.

О постижении и универсумном знании (необходимое философское отступление)

Осмысление указанных очевидных фактов требует обращения к некоторым философским положениям. Повторимся – темпоральным пространством жизнедеятельности человека⁶ является универсум. Он выражает философское *всё* в его отношении к человеку, в том числе отношение человека к самому себе, и на субстанциональном уровне состоит из двух взаимодействующих сфер: *опредмечивания* и *очеловечивания*⁷.

В сферу опредмечивания, как правило, включают *экономику* и *экологию*. В сфере очеловечивания в том или ином виде выделяют составляющие: *политическую*, представленную жизнедеятельностью человека-общества как целого; *социальную* – жизнедеятельностью и самоорганизацией различных человеческих групп; *духовную* – собственно саморефлексией человека. Таковы *первичные* сферы универсума и жизнедеятельности человека. Каждая из них имеет *своё иное*, которое может выступать в различных формах, но является имманентным и "не импортируемым". Например, экономическая сфера вмещает и антиэкономическое, а политическая – антиполитическое.

Одним из результатов столкновения-взаимодействия указанных сфер являются *производные* сферы: *экономико-экологическая*, *экономико-социальная*, *экономико-политическая*, *экономико-духовная*, *экономико-духовно-социальная*, *экономико-духовно-социально-политическая* и так далее до *эколого-экономико-социально-духовно-политической* сферы, которая достигает пределов универсума (рис. 1).

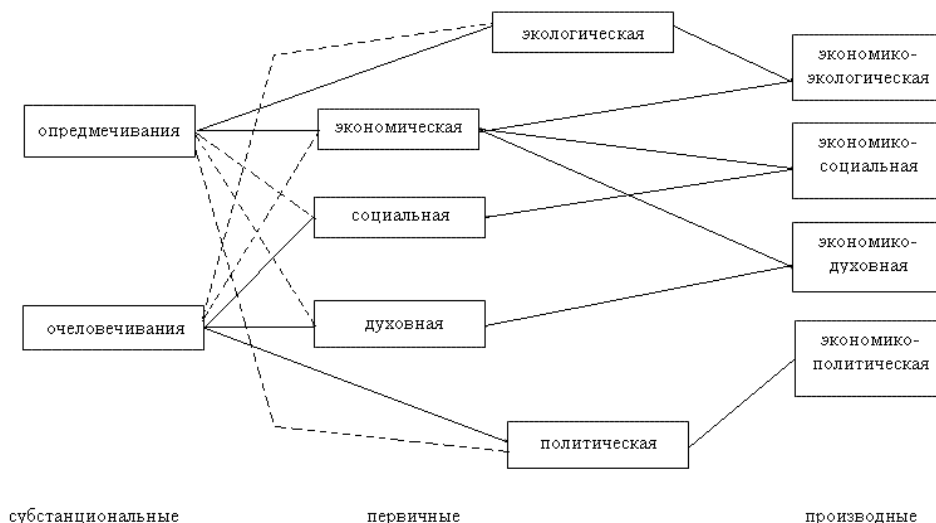

Рисунок 1. Сферы жизнедеятельности и универсума

Обозначенный выше *горизонтальный* "срез" универсума, все и каждая из его субстанциональных, первичных и производных сфер пронизаны *вертикальной "осью"*, представленной *бессознательным, сознательным и подсознательным* уровнями (началами) человека. Если учесть, что

⁶ Здесь и далее в зависимости от контекста философский термин "человек" обозначает общество как целостность и/или его составляющие (в том числе отдельного человека) в универсумном контексте.

⁷ См.: Тарасевич В. Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке. – С. 46–60.

девять десятых человеческой психики определяется бессознательным, то целесообразность его учёта в научном познании становится очевидной. Бессознательное как *досознательное* является результатом взаимодействия: 1) косной составляющей человека и "внечеловеческого" косного; 2) косной составляющей человека и "внечеловеческого" биологического; 3) биологической составляющей человека и "внечеловеческого" косного; 4) биологической составляющей человека и "внечеловеческого" биологического. Следовательно, во-первых, бессознательное, по крайней мере, четырёхслойно, причём слои и взаимосвязи между ними – продукт исторической эволюции. Во-вторых, типы бессознательных реакций человека определяются, в том числе, отражением человеческим косным и биологическим косного и биологического "внечеловеческого". Речь идёт о запечатлении, воспроизведении в первых тех или иных характеристик последних, и, разумеется, такое запечатление является одним из моментов упомянутых выше взаимодействий.

Человеческое сознательное произрастает на материальных носителях бессознательного по мере усложнения общественного (надбиологического) и собственно человеческой деятельности. Как и бессознательное, сознательное едино и неоднородно. Его известные слои, или уровни, – *невербально-генетический, чувственно-эмоциональный и вербально-теоретический* – определяются степенью зрелости общественного в его взаимодействии с человеческим и "внечеловеческим" косным, биологическим и самим собой.

Далее. Даже если ограничиться представленным выше укрупнённым строением бессознательного и сознательного, становится очевидным многообразие сочетаний их составляющих. Очевидно и то, что для человека бессознательное появляется только тогда, когда его сознательное обеспечивает осознание досознательного, когда для отдельных осознанных реакций и действий используются бессознательные механизмы, то есть когда сознательное дополняется подсознательным.

Точно так же *человеческое постижение как отражение человеком*, его косной, биологической и общественной составляющими универсума и жизнедеятельности рождается вместе с человеческим сознанием. Человеческое постижение – суть осознаваемое (хотя не обязательно осознанное) отражение *постигающим* (отражающим) *постигаемого* (отражаемого). Если иметь в виду *активность* постигающего человека и пассивность постигаемого объекта, то *базовые виды постижения* могут быть выделены на основе упомянутых выше слоёв бессознательного, уровней сознательного и их возможных сочетаний (рис. 2). Например, наряду с постижением человеческими косным и биологическим "внечеловеческого" косного и биологического, с невербальным, чувственно-эмоциональным и вербально-теоретическим постижением универсума возможно постижение человеческим косным и биологическим человеческого общественного, а также различные виды бессознательно-подсознательно-сознательного постижения.

На более конкретном уровне анализа последние могут быть представлены (в зависимости от "удельного веса", типа взаимодействий) как философские, медитативные, художественные, народные, мифологические, религиозные и другие⁸. Так, в философском постижении сочетаются, прежде всего, вербально-теоретическое и чувственно-эмоциональное, в художественном доминируют чувственно-сознательное и подсознательное, в медитативном – биологическая составляющая бессознательного. Если же учесть, что активность постигающего человека направлена не

⁸ См.: Урманцев Ю. О формах постижения бытия // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 95–103.

столько на универсум или жизнедеятельность как целое, сколько на их субстанциональные, первичные и производные сферы (а также элементы последних), то получается своеобразная *сеть постижения*, впечатляющая своей сложностью и неоднозначностью (рис. 3).

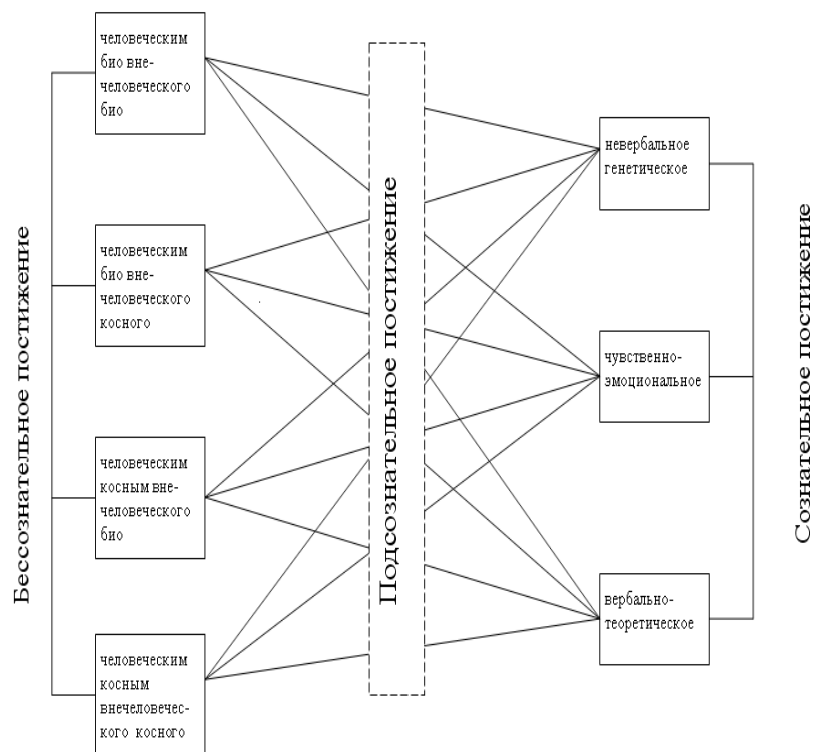

Рисунок 2. Базовые виды постижения универсума и жизнедеятельности

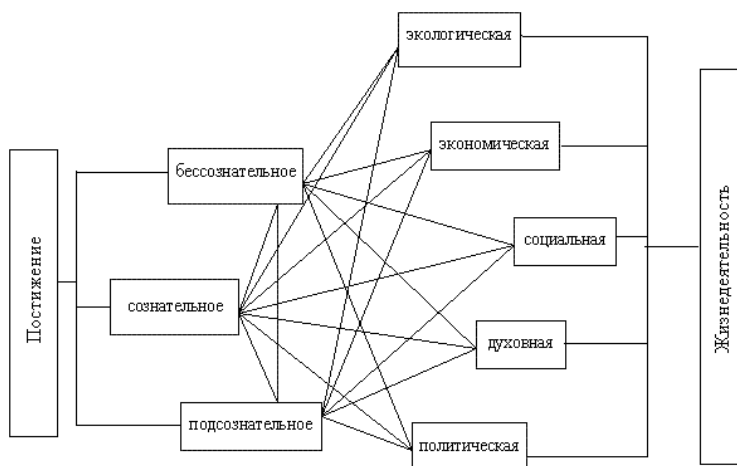

Рисунок 3. Сеть постижения жизнедеятельности⁹

⁹ Строго говоря, на двухмерной плоскости рисунка изображён лишь фрагмент сети, ибо сама сеть многомерна.

В процессе и результате такого многопланового постижения рождается и взрослеет **универсумное знание (универсумика)** – совокупность *вненаучных и научных знаний, учение об универсуме как целостности, его сферах (субстанциональных, первичных и производных), их составляющих, их взаимосвязях, а также о самих знаниях*. Юность универсумики – некоторый "простой" набор указанных знаний, структурированных по тому или иному признаку, выстроенных по тому или иному "камертону". Речь идёт об известном упорядочении уже имеющихся и полученных вне *собственно* универсумики знаний. Зрелая универсумика призвана продуцировать принципиально новое – собственно универсумное знание, в том числе посредством интеграции и синтеза уже наличного фрагментированного знания. Это поиск не столько общего и универсального, сколько сложно структурированного тотального, пионерного и прорывного, относящегося к универсуму и жизнедеятельности как целостности. Используя музыкальную аллегорию П.Флоренского, подчеркнём: соотношение видов постижения может быть различным – гомофоничным, полифоничным, симфоничным и т. д. Но, вероятно, природе универсума гораздо ближе гетерофония, которая сродни многоголосию русской народной песни: полная свобода всех голосов, сочинение их друг с другом в противоположность *подчинению*. "Тут нет раз навсегда закреплённых, неизменных хоровых "партий". При каждом из повторений напева... появляются новые варианты как у запевалы, так и у певцов хора... Единство достигается внутренним взаимопониманием исполнителей, а не внешними рамками"¹⁰.

Возвращаясь к "провокационным" вопросам и очевидным фундаментальным фактам, с учётом вышеизложенного констатируем: научное *познание* является одним из *видов постижения*, а именно – вербально-теоретическим сознательным постижением; наука обнимает лишь часть универсумики, а научное знание – лишь часть универсумного, связано с ним тысячами нитей и немыслимо вне его контекста. Поэтому, исследуя реалии, концентрируясь *непосредственно* на научном познании, добывая знание научное, учёные *опосредованно* (а в известной мере и непосредственно) занимаются постижением универсума и творением *универсумного* знания. В этом смысле они – слуги не только науки, но и универсумики. Точно так же *объект* той или иной науки – лишь часть, одна из сфер универсума, пронизываемая им и его пронизывающая. Следовательно, познавая "свой" объект, учёные постигают универсум. В этом смысле они – граждане Мира. Научное познание и универсумное постижение объединяет *всех* учёных. Что же отличает учёных-экономистов?

О пролегоменах к экунике

Повторимся: любая составляющая универсума объективно связана с каждой иной, а потому не может быть адекватно постигнутой только лишь сама из себя и должна изучаться не изолированно от иных составляющих, а в их контексте и "тексте". Следовательно, не просто возможно и/или необходимо универсумное знание о каждой из составляющих (сфер и их элементов) жизнедеятельности, оно *объективно существует*. Учёным-экономистам повезло быть свидетелями и участниками осознания объективной реальности и эволюции **экономико-универсумного знания** (*экономической универсумики*, или *экуники* – в сокращённом варианте) – универсумного знания об экономике и экономическом знании. Экуника – раздел универсумики, в котором изучается экономическая сфера универсума

¹⁰ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – М., 1990. – С. 30–31.

в богатстве её связей с ним самим и его составляющими. Для многих экономистов-теоретиков экономико-универсумное знание – область цельная, а потому осмелимся лишь на некоторое *предваряющее, разъясняющее введение, пролегомены* к экономической универсумике.

Прежде всего, *экуника* – суть процесс и результат *постижения* (во всём богатстве его видов) экономики в универсумном контексте, *совокупность научных и вненаучных экономических знаний*. Именно совокупность, а не, к примеру, система, ибо пока доподлинно не известен даже их состав, особенно во вненаучной части, а о *характере* их организации и связей можно лишь догадываться.

Важнейшими объектами экуники являются: а) субстанциональные универсумные сферы (опредмечивания и очеловечивания); б) экономика, а также образуемые с её участием: в) производные сферы; г) экономический "срез" универсумных уровней. Речь идёт об универсумных образованиях: *мега-* (универсум, ноосфера, исторические типы человеческого эволюции, цивилизации), *макро-* (страны и их объединения), *мезо-* (регионы, межотраслевые комплексы, отрасли), *микро-* (предприятия, домашние хозяйства) и *наноуровня* (человек как индивидуальность)¹¹; д) экономическое знание в целом и его составляющие, в том числе знание экономико-методологическое, экономико-научное, экономико-философское и экономико-универсумное¹².

Предметное пространство экуники представлено экономико-универсумной составляющей человеческой жизнедеятельности, а предметные области – экономико-экологической, экономико-социальной, экономико-духовной и экономико-политической жизнедеятельностью. Разумеется, указанному пространству был бы наиболее адекватным соответствующим образом адаптированный всеобщий универсумный *метод*. Однако перспективы его появления не менее туманны, чем образ обязанной породить его универсумики. В современных условиях экунические *акторы* могут использовать в зависимости от целей, задач или аспектов постижения весь имеющийся арсенал и научных, и вненаучных методов, подходов, приёмов. Подобный образ действий является необходимой предпосылкой постепенного продвижения ко всё более общим подходам – *органическим и интеграционным*, от симбиотически интеграционных к коэволюционно и синтетически интеграционным. Круг акторов экунического постижения значительно шире, чем научного познания, поскольку включает не только учёных, но и пользователей, носителей знания, в том числе вненаучного.

Универсумный статус экуники "обрекает" её на роль интегратора и синтезатора соответствующих наук и вненаучных практик с задачей и перспективой получения синергетического, эмерджентного эффекта – *собственно экономико-универсумного знания*, развивающегося на *собственных* основаниях с использованием *собственных* специфических методов и приёмов. Можно предположить, что близкими "коллегами" экуники станут универсумики – социальная, духовная, политическая, экологическая. ФЭН и её составляющие – политическая экономия, экономическая теория, микроэкономика, макроэкономика, международная экономика, институциональная экономика, эволюционная экономика, а также история экономических учений, методология ФЭН и наука о ФЭН – сохранят свой

¹¹ См.: Тарасевич В. Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке. – С. 288–406.

¹² Об особенностях указанных видов экономического знания см. подробнее: Тарасевич В.Н. О философии и методологии фундаментальной экономической науки // Экономическая теория. – 2007. – № 1. – С. 100–108.

самостоятельный статус, но могут быть интегрированы экуникой в качестве собственного научного ядра.

Экунические изыскания *экономистов-теоретиков* чрезвычайно важны, по крайней мере, для самоидентификации экономической науки в меняющемся мире, определения возможностей и перспектив **"нового экономического империализма"** – активной экспансии науки во вненаучное пространство и органичной ассимиляции его отдельных вненаучных идей и практик.

Об истинности экономического знания

Как известно, истина – ключевой императив и приоритет экономического *научного познания*. Верно ли это для *экономико-универсумного постижения*? Может ли и должно ли быть истинным экономико-универсумное (экуническое) знание?

О научной истине. *Классическая наука* Нового времени суть результат и предпосылка осознанного и решительного выделения человеком себя из царства природы, наделения себя статусом субъекта – *подлежащего*, то есть субстанционального и ведущего, и противопоставления себя природе как бездушному объекту изучения и воздействия, средству удовлетворения многочисленных потребностей. В полном согласии с этой максимой учёный-исследователь дистанцируется от природы, чтобы с позиций венаходимости открывать её тайны, а *истинным* признаётся только *соответствующее* изучаемому объекту *научное знание*. Такой *корреспондентский* (в терминах современной философии науки) *подход к истине* как соответствию знания¹³ объекту¹⁴ казался тем более убедительным, что фактически наследовал утвердившееся в христианстве признание истинным только такого знания, которое соответствовало Божественному творению и Священному писанию.

В отличие от философов, учёные не в полной мере осознали значимость кантианской гносеологической революции. В обращении И.Канта к исследованию зависимости знаний от априорных форм чувственности и рассудка, в пресловутой "вещи в себе" они увидели лишь отказ от поиска истины. Между тем, в учении И.Канта заложен гораздо более глубокий смысл: в поиске истины следует принимать во внимание отношение знания не только к объекту изучения (на чём сконцентрировалась классическая наука), априорным формам чувственности и рассудка, но и к другим феноменам бытия и мышления¹⁵. Учёные-экономисты, с одной стороны, восприняли корреспондентский подход к истине, о чём свидетельствуют фундаментальные учения А.Смита и Д.Рикардо, а с другой – в известном "споре о методе" продемонстрировали возможности выхода за его пределы. По справедливому замечанию О.Ананьина, в центре спора находились вопросы взаимоотношения не столько индукции и дедукции, сколько теории и практики; характера взаимоотношения разных видов знания, их значения для практики¹⁶. В споре были обозначены, хотя и в неявном виде, по крайней мере, две весьма значимые для будущего фундаментальной экономической науки проблемы: 1) о различных видах

¹³ Здесь и далее имеется в виду знание субъекта, то есть знание, присущее субъекту.

¹⁴ "Сильная" версия указанного подхода восходит к Г.Лейбницу и предполагает требование обоснования как истинности всех посылок истинного вывода. Убеждение в ложном утверждении не может быть обоснованным. В современной теории познания эту традицию наследует инфаллибилизм (от infallibility – непогрешимость). См.: Лебедев М. Перспективы современных концепций надёжности знания // Вопросы философии. – 2007. – № 11. – С. 120.

¹⁵ См.: Левин Г. Современный релятивизм // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 78–79.

¹⁶ См.: Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях. – М., 2008. – С. 13–14.

истинного экономического знания или об истине различных видов экономического знания; 2) об отношении знания к результатам его практического применения. Впоследствии разработка второй проблемы привела к восприятию экономической наукой *прагматической концепции истины*¹⁷.

С конца XIX века менее чем за полстолетия революционные перемены охватывают все основные области естествознания. Релятивистская и квантовая теория, квантовая химия, генетика, кибернетика и теория систем знаменуют утверждение *неклассической науки*, её идеалов и норм. Жёстко детерминистские законы уступают приоритеты статистическим закономерностям, развиваются вероятностные представления об объектах познания. В результате отказа от прямолинейного онтологизма утверждается понимание *относительной истинности* теорий и картины природы, выработанной на том или ином этапе развития естествознания. В противовес идеалу *единственно истинной* теории, "фотографирующей" исследуемые объекты, допускается истинность *нескольких* отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться *момент* объективно истинного знания. Императивным становится учёт взаимосвязей знаний об объекте и характера средств и операций познания, которые воздействуют на объект и нередко изменяют его¹⁸.

Последнее означает, что в неклассическом естествознании человек по-прежнему противостоит природе, но теперь не только отражает, но и осваивает, изменяет реальность *в процессе* её познания. Для учёных-экономистов, изучающих природу искусственную, "рукотворную", указанный сдвиг не стал новинкой, а потому и ассимиляция соответствующих ему естественнонаучных норм в науку экономическую не потребовала бы особых усилий, если бы в находившихся в зародышевом состоянии экономико-методологических исследованиях рефлексия над отношением знания не только к познаваемому объекту, но и к иным явлениям и процессам, отвечала быстроте перемен. В научном сообществе не без оснований полагалось, что заметно усложнившаяся к середине XX века экономика как объект познания субъектом, оперирующим преимущественно классическим научным инструментарием, становится для этого субъекта всё более неопределённой и непредсказуемой. В научном знании о ней возрастает доля вероятностной составляющей, а относительность его истинности становится очевидной. Использование старого инструментария в исследовании сложного объекта не позволяло выдвинуть такую "большую" теорию, которая бы обеспечила истину классического типа, и обрекало учёных на продуцирование, пусть и относящихся к одной парадигме, но всё же локальных теорий и соответствующих им *фрагментов* упомянутой истины.

В поисках более сложного исследовательского инструментария, адекватного уровню сложности объекта познания, учёные-экономисты по примеру коллег естествоиспытателей активизируют рефлекссию над *отношением знания к средствам и операциям научной деятельности*. Корреспондентская концепция истины перемещается со сцены за кулисы,

¹⁷ Указанная концепция близка современному фаллибилизму – традиции, идущей от Ч.Пирса, согласно которой истинное знание вовсе не обязательно должно быть обоснованным. Вполне обоснованным может быть и ложное знание. Фаллибилизм востребован в теории познания в той мере, в какой она стремится быть адекватной фактам эпистемической практики. См.: Лебедев М. Перспективы современных концепций надёжности знания. – С. 120–121. "Итак, наши теории практически работают, и это их оправдывает". См.: Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 11.

¹⁸ См.: Стёпин В. У истоков современной философии науки // Вопросы философии. – 2004. – № 1. – С. 8.

а на сцене под лучами неопозитивистского прожектора становятся явными не только такие разные компоненты экономического знания, как чистая теория и прикладная экономика (искусство экономики), но и различающиеся критерии их научности¹⁹. Судя по темпам и характеру экспансии математики в чистую теорию, трудно избавиться от мысли, что острота интереса к получению истинного знания при споспешествовании математических методов обратно пропорциональна остроте впечатлений от умопомрачительных экономико-математических конструкций, имеющих мало общего с реальностью.

Прикладной экономике вообще отказывается в праве осознания сущности объекта. Её главная миссия видится в применении научных знаний для решения практических задач. Теория воспринимается не иначе как инструмент. По М.Фридмену, она нужна не для того, чтобы получить "фотографическое воспроизведение" мира, а чтобы "анализировать" его с помощью "фундаментальной и относительно простой структуры"²⁰. Экономисты-неопозитивисты не отвергают фаллибилизм, прагматическую концепцию истины и рефлексии над отношением знания к практике. В этом аспекте они приближаются к марксистам. Но если первых в диспозиции "знание – практика" интересует, главным образом, практический результат, то последние, не отрицая самостоятельную гносеологическую значимость теории, критерием её истинности признают практическую деятельность в широком смысле. Если для первых истинное знание не может не соответствовать эмпирическим фактам, то для последних оно адекватно и сущностным детерминантам этих фактов, а не только поверхностным формам их выражения.

Подобным образом и современный критический (трансцендентальный) реализм видит задачу науки в выявлении и исследовании структур и механизмов, лежащих в основе событий опыта, с помощью инструментария абдукции²¹. Поскольку объективная реальность представлена иерархией трёх уровней – реального, действительного и эмпирического, совпадение теоретических и эмпирических данных может лишь свидетельствовать о корреляции между наблюдаемыми эмпирическими данными, а не вскрывать действительные причины экономических явлений. Следовательно, тестирование теории на предмет её истинности только на основании указанной корреляции может быть неадекватным²². Иными словами, искомая истина является не одно-, а многоуровневой, не одно-, а многоэлементной, не элементарной, а системной.

Не завершив полнокровное критическое освоение неклассического наследия, ФЭН на рубеже тысячелетий сталкивается с новыми, **постнеклассическими** вызовами естествознания, которое продолжает определять ключевые направления эволюции научной рациональности. На фоне постулатов неравновесной нелинейной термодинамики и синергетики, теории нестационарной Вселенной, гипотез о "тёмной" материи и энергии, концепций Большой истории и глобального эволюционизма, а также инфор-

¹⁹ См.: Ананьин О. Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 137.

²⁰ См.: Шлиссер Э. Экономическая теория и эксперимент: Исаак Ньютон, Милтон Фридмен и Вернон Смит // Вопросы экономики. – 2007. – № 2. – С. 56. Справедливости ради нужно отметить, что М.Фридмен фактически солидаризируется с корреспондентской концепцией истины, когда на примере закона падения твёрдых тел показывает, что при определённых допущениях в некоторых рамках исследования эксперимент может подтвердить истинность теории как адекватной интерпретации некоторого класса явлений. См.: Там же. – С. 60–61.

²¹ См.: Лоусон Т. Современная "экономическая теория" в свете реализма // Вопросы экономики. – 2006. – № 2. – С. 86–88.

²² См.: Кюнтцель С. Эволюционное моделирование и критический реализм // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 105.

мационно-коммуникационной революции возведённое ранее здание науки выглядит несовременным, а несущие конструкции истины ненадёжными. Разумеется, учёные-экономисты заняты гораздо более "земными" проблемами, но они не вправе игнорировать такие ключевые гносеологические ориентиры постнеклассики, как "человекоразмерная" система, общенаучная картина мира, проблемноориентированная междисциплинарность, элевационизм, историческая реконструкция и пр.

По мнению В.Стёпина, при изучении "человекоразмерных" объектов поиск истины связан с их преобразованием, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. Особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия. Объективно истинное объяснение таких объектов предполагает включение в его состав аксиологических факторов, вненаучных ценностей общесоциального характера²³. Научное познание начинает рассматриваться как особая часть жизни общества, детерминируемая общим состоянием культуры данной исторической эпохи, её ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Соответственно, обогащается содержание привычных категорий – "теория", "метод", "истина" и т. д.²⁴ Неожиданно для многих научная истина из небольшого "озера" соответствия знания объекту попадает в бушующий "океан" *соотнесения знания и жизнедеятельности (универсума)*.

Постнеклассическая наука – ровесница культурного постмодернизма и его *afterверсий*, а потому не свободна от их противоречивого влияния. Так, современные *релятивисты*, абсолютизируя известную линию рассуждений Платона ("Каким что является мне, таково оно для меня и есть, а каким тебе – таково для тебя") и Аристотеля ("Что каждому кажется, то и достоверно"), в тезисе "anything goes" – "всё годится" (П.Фейерабенд)²⁵ практически отказываются от объективности истины. В лучшем случае, если следовать *когерентной и консенсусной (конвенционалистской) концепциям истины*²⁶, истинное знание становится результатом *договорённости* большинства членов научного сообщества. В худшем случае истина объявляется "изобретением лжеца" (Х. фон Ферстер)²⁷.

Радикальные конструктивисты убеждены в том, что научное знание – вовсе не репрезентация объективной реальности, а субъективная реконструкция, символический проект, симулякр. Познание выполняет задачу упорядочения внутреннего мира субъекта. Не только человек формирует свой образ реальности, но и его представления и знания формируют его по своему образу и подобию. В оценке такого знания главными критериями становятся полезность, уместность, приемлемость, пригодность и т. п.²⁸ Классическое понимание истины в этом случае выглядит по меньшей мере не уместным. Пытаясь вершить судьбы творимых им виртуальных

²³ На этом фоне становится очевидным, что признание перехода от экономики как крайне сложной "простой системы" к экономике как крайне сложной "сложной системе" предполагает гораздо более глубокие изменения в экономической науке, чем "изучение ограниченно рациональных агентов в условиях недостатка информации". См.: Коландер Д. Революционное значение теории сложности и будущее экономической науки // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 86–88. Отказ от "трёх китов" – лишь один из шагов к будущей постнеклассичности экономической науки.

²⁴ См.: Стёпин В. У истоков современной философии науки. – С. 9–11.

²⁵ См.: Левин Г. Современный релятивизм. – С. 74.

²⁶ К ним апеллирует Р.Хоксберген, рассуждая о герменевтическом подходе к экономическим исследованиям как наиболее эффективному и призывая не чураться диалога между различными научными традициями, а также ценностных суждений и "метафизики". См.: Болдырев И. Экономическая методология и постмодернизм // Вопросы экономики. – 2006. – № 11. – С. 68.

²⁷ См.: Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке. – С. 7–8.

²⁸ Там же. – С. 35.

миров, субъект не замечает самопревращения в объект манипулирования со стороны виртуальных сетей и их авторов. Впрочем, за столь оригинальными постмодернистскими построениями важно не упустить значимое для понимания эволюции истины как категории обстоятельство: соотношение знания не с объектом, но с самим субъектом, а также межсубъектными взаимодействиями.

Экономическая наука не осталась безучастной к постнеклассическим вызовам²⁹. Подверглась она и атакам постмодернизма. Их влияние на проблематику истины оказалось весьма неоднозначным. С одной стороны, у Д.Макклоски и А.Кламера экономическая наука – прежде всего, риторика, искусство убеждать пользователя в истинности и пригодности для него той или иной научной идеи. На свободном рынке идей учёные соревнуются в умении продать свой "товар". Таким образом преодолеваются тоталитарные методологические стандарты, позволяющие узурпировать истину³⁰. С другой стороны, риторический, языковой и методологический "фильтры"³¹ позволяют в той или иной форме соотносить отношение знания к объекту, пользователю и языку научного общения. С одной стороны, в постмодернистском восприятии экономическая наука предстаёт весьма сложным социальным организмом, в котором главные персонажи – это не только учёные, но и редакторы, рецензенты, академические боссы, грантодатели, а потому и бескорыстное служение абстрактной истине является отнюдь не единственным и не главным приоритетом научной деятельности³². С другой стороны, анализ структуры и особенностей функционирования этого организма, условий создания и распространения научных знаний, способов их существования³³ стимулирует осмысление социальной "анатомии" истины, отношения знания к социальным сетям.

Об общей (цельной) истине. Итак, историческая ретроспектива рефлексии над истиной убеждает не столько в наличии крайних позиций – приверженность ортодоксальной истине и отрицание истинного знания вообще, сколько в усиливающейся "средней" линии. Речь идёт о понимании истины как соответствия знания объекту, "встроенному" в усложняющийся контекст. Составляющими последнего последовательно-параллельно становятся отношения знания к результатам его практического применения; средствам, инструментам и результатам познавательной деятельности; к практике; вненаучным ценностям общесоциального характера; мировоззренческим установкам; самому субъекту; межсубъектным взаимодействиям; пользователю; языку научного общения; социальным сетям и пр.³⁴ Соответственно, многофакторный анализ истины³⁵ становится предпочтительнее однофакторного, хотя и он вряд ли вполне адекватен сложности проблемы. Его стандартная версия не предполагает сколько-нибудь сложной взаимозависимости факторов, тогда как именно

²⁹ См.: Тарасевич В. Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке. – С. 113–117.

³⁰ См.: Ананьин О. Экономическая наука в зеркале методологии. – С. 139; Болдырев И. Экономическая методология и постмодернизм. – С. 65–66.

³¹ См.: Ананьин О.И. Экономика как искусство. – С. 32–39.

³² См.: Ананьин О. Экономическая наука в зеркале методологии. – С. 142; Блауг М. Тревожные процессы в современной экономической теории // К вопросу о так называемом "кризисе" экономической науки: материалы теоретического семинара ИМЭМО. – М., 2002. – С. 65.

³³ См.: Болдырев И. Экономическая методология и постмодернизм. – С. 73.

³⁴ В категориях теории познания перечисленное свидетельствует о включении в научную рефлексии над истиной наряду с инфантилизмом и фаллибилизмом интернализма, экстернализма и релятивизма. См.: Лебедев М. Перспективы современных концепций надёжности знания. – С. 124–126.

³⁵ См.: Левин Г. Современный релятивизм. – С. 78–79.

соотнесение отношения знания к объекту и иных отношений знания к ... имеет принципиальное значение для осмысления природы истины.

Дело осложняется тем, что сверхсложные "человекообразные" объекты *познания* являются ещё и объектами *постижения*. В каждом из видов вненаучного знания об этих объектах и их "окружении" (субъект, условия, результаты функционирования и т. д.) наличествует особый стандарт достоверности, правды и иных "аналогов" истины³⁶. Ни один из видов знания не обладает монополией на истину в том смысле, что в определённом интервале³⁷, при определённых условиях и предпосылках один вид знания может быть более истинным, чем любой иной. Например, не секрет, что в определённой экономической ситуации следование стандартам просвещённого здравого смысла и интуиции в большей мере отвечает уровню её сложности, чем специальные научные изыскания. Нужно учитывать и усиливающуюся "сайентизацию" вненаучного знания. Так, современные дискуссии учёных и теологов свидетельствуют об активном развитии известной со времён Аквината доктрины "*двойной истины*", умелом встраивании в теологию инструментария, категориального аппарата и результатов научных исследований³⁸. Всё более уважительные реверансы науке делают художественное творчество, герметизм, медитация³⁹. Плодотворно ли взаимоисключение различных видов знаний об одном и том же объекте на том лишь основании, что эти знания родились в ином "цехе"? Риторический вопрос.

Таким образом, в современных взаимодействиях и взаимопроникновении различных видов научного и вненаучного знания, в том числе экономического, истина отнюдь не умирает, а взрослеет и усложняется. Весьма актуальной становится пророческая мысль Питирима Сорокина: "В трёхмерном пространстве веры, разума и чувств *общая* истина ближе к абсолютной, чем истина, рождённая одной из этих форм"⁴⁰ (курсив мой. – В.Т.). N-мерному сверхсложному экономическому "человекообразному" темпоральному пространству адекватна не гомофония, а поли-, гетеро- и симфония различных видов постижения, не одномерная, а N-мерная *цельная (общая) истина*, к вершинам которой ведут многие и многие тропы. Цельная истина предстаёт как N-мерное соответствие экономико-универсального знания указанному темпоральному пространству (объекту) в его (соответствия) соотнесённости с человеческой жизнедеятельностью, её сферами и элементами. "Внутренний мир", строение таким образом понимаемой истины в первом приближении может быть представлено тремя взаимосвязанными составляющими: научной, вненаучной и синтетической.

Научная составляющая *цельной истины* – это сложная система соотнесённостей, с одной стороны, отношений научного экономического знания к объекту и, с другой стороны, отношений знания к субъекту, условиям, процессу, результату и т. д. научной и практической экономической деятельности, а также отношений экономического знания к само-

³⁶ К.Леви-Стросс: "Может быть, в один прекрасный день мы поймём, что в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в научном". Цит. по: Каз М. Почему в экономических исследованиях необходим когнитивный подход? // Вопросы философии. – 2009. – № 4. – С. 33.

³⁷ См. подробнее: Лазарев Ф., Лебедев С. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 101–105.

³⁸ См. напр.: Левин Г. Методологические принципы диалога материалистов с верующими // Вопросы философии. – 2008. – № 10. – С. 78–90; Шахов М. Реализм как общая основа религиозного и научного знания // Вопросы философии. – 2008. – № 10. – С. 66–77.

³⁹ Вероятно, этому способствует и известная близость ряда позиций некоторых школ буддизма к современному конструктивизму. См.: Петренко В., Кучеренко В. Медитация как форма непосредственного познания // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 92–93.

⁴⁰ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 478.

му себе⁴¹. Например, экономико-математическая модель значима в том случае, если является особым знанием об определённом экономическом объекте. Мера её соответствия последнему зависит от самого автора-исследователя, его профессионализма, целей, положения в научном сообществе, условий, процесса, инструментария моделирования, предназначения модели и многих других факторов. Так, несовершенство математического инструментария не позволяет адекватно моделировать достаточно сложные экономические объекты (что, кстати, способствует фрагментации экономического знания). Степень соответствия модели объекту пропорциональна уровню соответствия её инструментария его сложности. Нередко указанные факторы учитываются в аспекте преимущественной иерархической подчинённости одному-двум второстепенным факторам (например, требованиям к публикации в престижном журнале и/или к получению гранта), а не научно императивной сетевой соотнесённости между собой.

Элементами *внеаучной* составляющей цельной истины могут быть соотнесённости отношений 1) внеаучных экономических знаний к различным феноменам соответствующего вида постижения и отражаемой им реальности в универсумном контексте; 2) внеаучного знания к самому себе и к знаниям – результатам иных видов постижения. Так, правдивость изображения экономических реалий в художественном произведении в значительной мере определяется особенностями самовыражения автора, личным опытом экономической деятельности, его практичностью, здравым смыслом, вероисповеданием, социальным положением и другими факторами. В достаточной ли мере подобные факторы учитываются в поисках истины?

Синтетическая составляющая цельной истины представляет сочетания и синергию научной и внеаучной составляющих. Количество таких сочетаний не поддаётся краткому описанию, поскольку должны быть соотнесены отношения многих видов постижения и познания как между собой⁴², так и с их отношениями к многочисленным феноменам человеческой жизнедеятельности. Один из возможных вариантов такого сочетания может быть изучен с использованием предложенного О.Ананьиним эшелонирования экономического знания по критериям меры абстрактности и механизмов функционирования. Речь идёт об эшелонах (уровнях): 1) абстрактной теории; 2) базового типологического знания; 3) системной экономической компаративистики; 4) прикладного стратегического знания; 5) прикладного оперативного знания или экономической инженерии. На каждом из таких уровней по мере возрастания конкретности экономического знания и приближения его к сфере практического использования оно вступает во всё более широкий круг социальных взаимодействий, без учёта которых оно утрачивает смысл⁴³.

С позиций *корреспондентской* концепции научной истины претензии на последнюю в трёх верхних эшелонах экономического знания снимаются сами собой, ибо научное знание здесь попадает в водоворот внеаучного и теряет потребную часть своей идентичности. С позиций концепции *цельной (общей) истины* именно на этих уровнях происходит столкновение и взаимодействие видимых, поверхностных форм научных и

⁴¹ Соотнесение различных отношений знания к самому себе составляет проблематику истории экономических учений, экономической методологии, а также науки об экономической науке (в том числе науки о ФЭН).

⁴² Если в экономической методологии соотнесение отношений научного и внеаучного знания лишь намечается, то в философии экономической науки и в экунике оно становится главной проблемой.

⁴³ См.: Ананьин О. И. Экономика как искусство. – С. 250–253.

вненаучных элементов цельной истины. Но чтобы эта видимая, "надводная" часть "айсберга" последней была адекватно идентифицирована, необходима N-сторонняя диагностика его невидимой, "подводной" части. Элементы *научной* истины, добываемой на двух нижних уровнях экономического знания, должны быть *синтезированы* с соответствующими элементами истинного *вненаучного* знания. Более того. Сверхсложная "человеко-размерная" система не может быть на одном уровне только экономической, а на другом – только социальной или политической. Взаимодействие экономической, экологической, социальной, духовной и политической ипостасей формируют её на всех уровнях точно так же, как бессознательное, сознательное и подсознательное составляют неотъемлемую среду всех уровней научного познания. Следовательно, весьма вероятно наличие вненаучных и научных элементов цельной истины на всех уровнях экономического знания, и сама она в таком случае является результатом и синергией синтеза указанных элементов. Так что у экуники нет выбора: её призвание – поиск цельной истины.

Разумеется, подобные амбиции не без оснований могут быть признаны утопичными. В этом нет ничего удивительного, поскольку при современном уровне развития экономико-универсального знания и его саморефлексии достижение цельной истины невозможно. Но даже принципиальная непреодолимость этой утопичности и невозможности отнюдь не является основанием для забвения самой идеи экономико-универсального знания и его истинности⁴⁴. Невозможность абсолютной истины в науке не охлаждает пыл учёных, ищущих относительную научную истину. Поэтому на современном этапе развития экономико-универсального знания нужно воспользоваться опытом науки и научиться определять *меру и относительность цельной истины*, жёсткие условия, предпосылки и границы, в которых экономико-универсальное знание соответствует той или иной области сверхсложного "человеко-размерного" объекта. Сейчас трудно прогнозировать *будущее* экономико-универсального знания и экуники. Экономисты-теоретики профессионально занимаются не фантазиями, а познанием и постижением, творением экономического научного и универсального знания. По моему глубокому убеждению, *именно наука* призвана стать пионером и доминантой сочетания, интеграции и соединения различных начал универсального знания. В единстве равных – Веры, Добра, Истины и Красоты – для учёного нет и не может быть второстепенного. Но так уж суждено, что верит он в красоту, добро *истины* и правдиво, бескорыстно ей служит.

⁴⁴ В частности, умножение экономико-универсального знания обогащает "учёное неведение" (Н.Кузанский), или знающее незнание, которое и есть высший модус истины, доступный человеческому существу. См.: *Далмайр Ф.* Николай Кузанский о вере, знании и учёном незнании // Вопросы философии. – 2007. – № 2. – С. 38.